

Константин Николаевич Леонтьев

Ядес

Константин Леонтьев

Ядес[1][2]

Восточный рассказ

Под одним большим и торговым городом, в своем собственном доме жил богатый купец с молодой, красивой и очень умной женою.

Они уже имели двух маленьких детей, ни в чем не нуждались и между собою жили очень согласно, так что и другим служили примером хорошей, приятной и христианской жизни. Но жена при красоте своей была еще и веселого нрава и очень любила наряды, а муж был немного ревнив и очень расчетлив.

Когда жена покупала себе новое платье или убор — муж любовался на нее тайно, но ей всегда почти говорил, насупивши грозно брови:

— Конечно, это очень красиво и к тебе пристало. Только на что это замужней женщине так часто украшать себя? Посторонних мужчин искушать красотой своей тебе грех...

Ты ведь добродетельна и верна, на что же беспокоить их напрасно; а мне, мужу, ты и попросту хороша...

— Прости уж мне, несчастной такой и глупой женщине, — отвечала ему красавица с лукавой кротостью. — Такая я дура. Для самой себя люблю наряжаться...

Муж вздыхал, глядел угрюмо; а наряды и сам покупал, деньги давал ей; хоть и неохотно и гневаясь, а все-таки давал, потому что, в случае отказа, она умела такое печальное и кроткое лицо сделать, и глаза у нее были такие прекрасные и сладкие, что он покачивает головой, ногой даже топнет иногда, а деньги, хоть и не просто даст, а все-таки кинет перед ней со звоном от досады на стол и скажет, махнув рукой:

— Сказано — женщина! Одно слово, понимаешь ли ты, — *женщина!*

— Понимаю, очень даже понимаю — отвечает жена, и возьмет и поцелует.

А он ей:

— Ну, вот видишь, видишь, не правду ли я говорю — сказано: женщина! И что это за волшебство такое?! От Бога это нам утешение,

или от сатаны погибель? — не знаю, и не постигнет никогда этого мой ум!..

— От Бога! от Бога!.. — уверяла жена, лаская его. — Я знаю, что я от Бога; а если тебе другая понравится, и ты ей не только подарки сделаешь, но только полюбишься на нее — так это будет от дьявола... Право, ты мне верь, радость моя, — это так...

— Ну, а ты, когда ты взглянешь на молодца — это ничего?..

— Я гляжу только, у меня глаза есть — что ж делать!.. Конечно, это ничего...

— Ну, а *они-то* на тебя смотрят? Как ты скажешь...

— Пусть смотрят и тебе завидуют — вот и все... я очень рада...

— Знаю, знаю, что рада! Вы все этому рады! — укорял муж, и глаза его хотя и сверкали притворной на нее злобой, но она знала, что это все притворно и что он не только сам ее любит, но и верит ее к себе любви.

Спорили они между собою иногда и о другом. Муж говорил, что у него «глаза такие открытые», что ни одна женщина обмануть не может; а жена говорила, что нет такого муж-

чины, которого бы женщина умная не могла бы обмануть...

— Если жена у тебя хорошая и честная, и тебя любит то надо ей верить; а обмануть и тебя можно, хотя ты и очень умный...

Раз так-то они рассуждали и дружески спорили при посторонних людях, которые пришли к ним в гости, и муж воскликнул:

— Не обманет меня женщина... Никогда!.. Даже ядес я всегда выиграю у нее, потому что я очень хитер и внимателен...

— Так давай сделаем ядес! — сказала жена.

— Давай!.. Принеси косточку. Жена сходила в кухню, принесла куриную косточку и сказала:

— Вот теперь у нас и свидетели есть... Если я выиграю ядес, чтобы муж мне купил полосатой *хашламы* на одно платье и голубого атласа тоже на одно платье, и пару серег бриллиантовых, и дал бы еще слово, что больше своим умом и хитростью противу женщин хвалиться вперед не будет... И еще...

— Довольно! Довольно! — воскликнули гости.

— Пусть назначает больше! — сказал муж

насмешливо. — Я на все согласен. Даю слово, потому что проиграть не боюсь. Она проигрывает...

Жена улыбнулась и не сказала ни слова. Один из гостей тогда спросил,

— А что же вы, госпожа моя, обязываетесь сделать, если вы проиграете? Мы свидетели, мы же и судьи между вами будем.

— Что прикажет тогда мой муж, то и сделаю беспрекословно и с радостью... Пусть его на то воля будет... Назначать ему мне, что бы то ни было, едва ли придется, потому что ведь я не боюсь проиграть. Только прошу, чтобы игра продолжалась до трех раз, а не кончалась бы с одного раза.

Все, и муж, и свидетели изъявили на это согласие. Тогда они переломили косточку, и с этой минуты игра началась.

Длилась она более трех месяцев и все не кончалась.

Обоим было трудно. Необходимо было большое внимание. У мужа ум был занят торговыми оборотами; у жены хозяйством и детьми. У каждого были свои затруднения и горести; муж беспокоился о двух кораблях с

пшеницей, которые были отправлены им далеко, и никаких известий об них долго не было. У жены было отягощение по дому, потому что старая, верная служанка, во многом ее заменявшая, в это время заболела, и ей, с новой и неопытной наемницей, было иногда очень трудно. Было и общее им обоим страдание, когда заболел младший их мальчик, которого они оба очень любили.

Но, несмотря на все это, они оба об игре своей не забывали, и между ними продолжалась упорная и безмолвная борьба. Приходилось целый вечер, после возвращения мужа к обеду домой из города, где он торговал, обоим остерегаться ежеминутно. Жена привычна была, конечно, мужу служить; а муж привык приказывать ей:

— Мариго! Подай мне чубук! Или:

— Кузум-Мариго, принеси мне, жизнь ты моя, немножко винца хорошего... Утомился я что-то.

Через это ему было труднее, чем ей; она *подавала* ему в руки, или молча, или нарочно отвлекая его разными разговорами... Ему приходилось беспрестанно *брать* у нее из рук, и

каждый раз нужно было вспомнить и сказать: ядес...

Первые дни он был очень осторожен; потом деловые заботы взяли перевес над игрой, и он подряд проиграл два Раза; но после этого снова так утвердился, что уже до третьего и последнего проигрыша жена никакими силами не могла его довести. Кстати же, он к тому времени получил благоприятные известия о своих кораблях и очень много денег; стал веселее и покойнее и ни на минуту об ядес не забывал.

Однажды в ясный летний день муж уехал с утра в город, а Мариго осталась дома и, сидя у окна, вышивала золотом по голубому шолку, как вдруг какой-то путник на большом и хорошем муле остановился у ворот их дома. Он подозвал служанку и умолял дать ему утолить жажду, которой он мучился, долго не встречая на пути хорошего ключа или фонтана.

Мариго слышала, как он говорил служанке:

— Ах, я очень утомлен и нездоров и не знаю, как я доеду до города и где я найду в

нем покой себе и пристанище...

Служанка спросила у путника:

— Разве у вас нет в нашем городе родных и друзей?

— Нет у меня никого близкого в этом городе, — отвечал он.

— К кому же вы едете? — спросила служанка.

— Я ни к кому в гости не еду; я путешествую по различным местам и поучаюсь житейской мудрости. Ибо с мудростью книжной я знаком вполне и хочу стать мудрецом совершенным...

Мариго была очень гостеприимна и знала, что и муж одобряет эту ее добродетель. Она вышла на порог дома и сама сказала молодому путнику так:

— Если вы, господин мой, устали и не совсем здоровы, то вместо того, чтобы ехать в жаркое время дня в незнакомый вам город, милости просим отдохнуть у нас в доме. Мы сочтем это за честь и удовольствие!..

Путешественник был доволен этим предложением и отвечал ей очень важно:

— Не нахожу, госпожа моя, выражений, со-

ответственных той глубине признательности, которую ощущает сердце мое! Я непременно и безотлагательно впишу в книгу моих наблюдений заметку о необыкновенной доброте и гостеприимстве домохозяек в этой благословенной Богом стране!.. Это будет для меня весьма утешительно, так как житейская мудрость, которую я, изучивши книжную мудрость до корня, теперь стараюсь постичь, научает видеть в людях, и особенно в женщинах, больше пороков, чем добродетелей.

После этих слов путешественник сошел с мула и вошел вслед за хозяйкой в дом.

Мариго отвела его в большую и прохладную приемную с широкой софой вокруг стен, с высокими окнами, на которых стекла были разноцветные, и под окном, вблизи немолчно стремился по камням, сбегая с высоты, прекрасный ручей, так что в комнате этой постоянно было слышно приятное и веселое журчание.

В одно мгновение ока служанка сняла с путника пыльную обувь его, постелила ему на софе мягкий шолковый тюфяк, положила подушки и покрыла все голубым шолковым

одеялом с золотыми цветами.

Сама хозяйка подала ему немедленно на серебряном подносе прекрасной ключевой воды и двух сортов варенья; а за нею молодой служитель араб поднес ему кофе на золоченых *зарфиках*.

Путешественник принимал все с достоинством высшего сана, и хозяйке его надменное обращение казалось удивительным и забавным.

Потом она спросила его, что предпочитает он: принять какую-нибудь пищу или уснуть? И путник отвечал откровенно, что усталость и сон преобладают в нем голод.

Тогда Мариго и слуга ее удалились, приотворив за собою двери; а молодой путешественник разделся и, с радостью опустившись на богатое и чистое ложе, уснул немедленно и глубоко.

Мариго между тем строго запретила людям шуметь; сама сходила на конюшню и велела накормить мула ячменем, а потом занялась на кухне приготовлением самого вкусного завтрака.

Уже солнце зашло далеко за полдень, ко-

гда сладко уснувший путешественник проснулся. Он вышел из комнаты, умылся у фонтана, надел чистую одежду, достал из своей дорожной сумки книгу и, севши покойно на софе у окна, открытого на немолчный ручей, стал читать. За этим занятием застала его хозяйка дома; она пришла узнать, хорошо ли он отдохнул и каково его здоровье.

Войдя, она заметила на лице его недовольство, и он видимо неохотно отвечал ей. Вообще, хотя он и говорил ей по необходимости обычные слова приветствий и признательности, но она еще с той минуты, как вышла на крыльцо, чтобы пригласить его, ни разу не видала улыбки на его мрачном лице.

Годами, заметно, он был еще довольно молод; но безобразно худ, бледен, через меру бордат и вовсе лицом не красив и не приятен; а придавал всем движениям, словам и даже взглядам своим великую степенность и сановитость. Эти особенности возбуждали любопытство молодой хозяйки, и ей очень захотелось побеседовать с таинственным и угрюмым странником.

Поэтому, как будто бы не обращая внима-

ния на его нахмуренные брови, она почти-тельно села поодаль на диване и спросила его: «хорошо ли он себя чувствует?»

— Очень хорошо, госпожа моя; благодарю вас, — отвечал философ, не оставляя книги своей.

— Облегчился ли тот недуг, на который вы утром жаловались, стоя у наших ворот? — спросила еще Мариго.

— Облегчился.

— Хорошо ли вы почивали?

— Хорошо, — еще неохотнее ответил он.

Но Мариго все притворялась, что не замечает его досады.

— Вы, должно быть, вообще очень слабы здоровьем? Я замечаю это по вашей бледности и худобе, — продолжала она.

Путешественник на это отвечал ей мрачно и грозно:

— Нет, госпожа моя, нет! и еще раз — нет! Я худ и бледен — это справедливо, но вовсе не от недугов, а от чрезмерной учености моей. С ранних лет я постиг великую истину, что прежде чем вступить на путь жизни деятельной, мудрый юноша должен познать всю муд-

рость прошлых веков, сохраняемую, как в сокровищнице, в этих книгах, всюду и всегда меня сопровождающих. Теперь, хотя, изучивши мудрость книжную вполне, я путешествую для познания мудрости житейской, но все-таки паки и паки освежаю свой ум живой водою древнего любомудрия, для сохранения незыблемой ничем твердости духа. Да, госпожа моя, я еще юн годами, но умом и познанием я богат, я очень богат!!

И он, кончая эту речь, взглянул на нее еще сердитее.

— Что же пишут в ваших книгах про женщин? — спросила Мариго.

— Все худое, — отвечал мудрец. — В этих книгах перечисляется все то зло, которое сделали женщины от сотворения мира и до нашего времени, и изображаются их пороки. В этом согласны мудрецы всех стран и всех времен. Не женою ли грех первородный вошел в мир? Ева соблазнила Адама. Не за красивую ли женщину пролито столько геройской крови под стенами Илиона? Далила погубила Самсона. Омфала унизила Иракла, павшего у ее ног. Иезавель и Гофолия потрясали основа-

ния еврейского царства. Ксантиппа отравляла жизнь Сократа. Жены же совратили великого царя и мудреца Соломона и заставили его поклоняться идолам. И всех зол, причиненных на свете этом как привлекательностью женщин, так и пороками их, не перечсть и до вечера. Прекрасно уподобил один из древних разных женщин разным животным: «Одна из них, говорит он, горда и неукротима, как дикая кобылица; другая лукава и жестока, как лиса или кошка; третья неопрятна, сварлива и бесстыдна, как псица... И только одна из десяти, быть может, заслуживает сравнения с трудолюбивой и полезной пчелою».

Мариго почтительно дослушала его, а потом вздохнула печально и, вставая с места своего, сказала:

— Хотя я не знаю, к какому из перечисленных этим мудрецом животных себя, бедную, приравнять, — к пчеле не смею, а к собаке, к лошади и к кошке злой и хитрой — не желаю, однако, думаю, что хоть в одном уподоблюсь пчеле — это в том, что позаботилась, как могла, об утолении голода вашего и прошу вас

сделать мне и мужу моему честь вкусить от трапезы нашей в садовом киоске. Обжалуйте!

Она повела его в киоск, где уже был приготовлен обильный и роскошный завтрак. Киоск был весь обвит виноградом, кроме передней стены, по которой стлался необычайно душистый жасмин. Вокруг цвели алые и белые розы и другие цветы. Колонны киоска были ярко раскрашены, пол его был мраморный; вокруг широкий пунцовый диван, а посреди киоска бил фонтан обильным снопом ключевой воды. Мариго нарочно приказала для гостя открыть его.

На дорогой скатерти, в первый раз вынутой из сундука, стояло множество разных блюд и напитков и посреди всего превосходный ягненок, начиненный мелкими стафидами и кедровым орехом.

Фрукты также были различные, и черешни белые с темными вместе, перемешанные для красы, были связаны длинными гроздьями наподобие кистей винограда.

Молодой философ и прекрасная хозяйка кушали вместе с большим удовольствием, и под конец обеда, когда уже и старое вино, вы-

нутое нарочно для этого особого случая из погребца, развеселило сурового гостя, Мариго возобновила прежний разговор:

— Однако, — сказала она, — не все ж об одних пороках женских передает нам история рода человеческого. Были и примеры добродетелей... Не правда ли?

Мудрец улыбнулся и сказал ей на это любезно:

— Ведь и тот женоненавистник, который сравнивал женщин с разными животными, уподобил же некоторых из них пчеле. Про вас, кирия Мариго, можно сказать двойко: по трудолюбию, по домостроительству вашему вы именно та всеполезная и драгоценная пчелка, которой сей древний муж воздавал хвалу; по красоте же вашей и миловидности вы, напротив того, подобны одной из этих восхитительных и пестрокрылых бабочек, которые порхают в эту минуту по цветущему и благоухающему Эдему вашего сада! О! кирия Мариго, как должен быть счастлив ваш муж!!

Мариго поблагодарила его за похвалы, стыдливо опуская глаза, и, вставши, вышла поспешно и приказала служанкам скорее

убрать со стола. Они убрали и подали гостю кофе на серебряном подносе и наргиле.

Он стал курить, внимая приятному шуму фонтана, шелесту густых деревьев сада и веселому, кроткому пению птиц.

Мариго возвратилась скоро и снова села возле него, только еще ближе прежнего. Гость, казалось, был упоен блаженством и, беспрестанно улыбаясь, глядел на нее молча.

— Да, да! Не все, не все порочны!.. — повторял он и, еще придвинувшись к ней, взял ее руку.

Мариго не отняла руки.

— О, кирия Мариго! — опять воскликнул он, — как должен быть счастлив ваш муж и как я завидую ему!..

Мариго глубоко и печально вздохнула.

— Вы вздыхаете, царица красоты?!.. Вы несчастны?!.. — спросил он с жаром.

— Муж мой очень ревнив и недоверчив... и даже теперь...

— Что? что теперь?! — с испугом спросил мудрец.

— Даже и теперь, — отвечала Мариго, — когда мне так приятно с вами — я непокой-

на... Я жду его с минуты на минуту из города...

Философ испугался; наргиле выпал из руки его; он встал с дивана и воскликнул:

— Зачем же вы мне не сказали прежде, что он вам запрещает даже самое законное гостеприимство!!

— Нет, — ответила Мариго, — он не запрещает его; но он недоверчив и очень гневен, и я боюсь, чтобы он...

Она не кончила... На дворе раздался конский топот, и громкий мужской голос сердито сказал:

— Возьмите лошадь скорее и поведите ее... Эй! Где вы?!

— Это он! Это муж! — с притворным испугом прошептала Мариго, — идите, идите сюда!.. Скорей!!! Я вас запру в шкаф!.. Иного спасенья нет!..

И, быстро увлекши за собой в дом философа, она втолкнула его в шкаф, заперла его на ключ и вышла.

Он стоял в темноте среди женских одежд, со страхом думая о том, что может ему предстоять; каялся в своем безумии и в том, что изменил так неожиданно и так глупо своей

книжной премудрости.

Но страх его перешел в истинный ужас и в совершенное отчаяние, когда он услышал из шкапа, что Мари-го вводит сама в эту комнату мужа своего и говорит ему:

— Вот видишь ли, друг мой, ты иногда как будто не доверяешь мне и ревнуешь; я этого больше не желаю; я хочу, чтобы ты мне всегда верил... Сегодня приехал откуда-то издалека один молодой мудрец и просил напиться и отдохнуть. Я пригласила его, успокоила и угостила; но он, злоупотребив правами гостеприимства, начал ухаживать за мной и объяснился мне в любви...

— Где он? где он?.. Я его убью... — закричал в испуге муж.

Мариго начала просить:

— За мою верность и любовь, и за то, что я так с тобой откровенна, я прошу и умоляю тебя, мой друг, не обагрят рук твоих кровью. Мы сделаем ему только наставление и отпустим его... Обещай мне это, и я укажу тебе, где он...

— Говори, говори, где он? — кричал муж. — За твою любовь и верность обещаю

тебе отпустить его живым... Но я сокрошу ему ребра... Скажи только, где он?!

Голос хозяина был силен и грозен, и бедный философ стоял в шкапу ни жив ни мертв и воссылал только к небу страстные и слезные мольбы.

Мариго долго уговаривала мужа, наконец сказала ему:

— Он в этом шкапу... Не убивай его только до смерти... Вот тебе ключ... Держи.

— А! а! — радостно вскрикнул разъяренный супруг. А путешественник в последний раз возвел очи к небу и

мысленно сказал: «Боже Праведный, спаси меня!»

Но в ту же минуту, прежде чем муж успел подойти к шкапу, раздался громкий смех Мариго и веселый возглас ее:

— *Ядес!! ядес!!* Я все выдумала и солгала — в шкапу нет никого, а ты взял ключ и не сказал мне *ядес!..* Садись же сейчас на коня и опять скачи в город и привези подарки...

— Ах! дьявольская хитрость женщины!.. — воскликнул муж.

И, бросив ключ на землю, закричал из ок-

на слугам:

— Эй! не расседывайте коня... Я сейчас еду опять в город.

И с этими словами вышел и поспешно ускакал. Как только все утихло, Мариго отперла шкаф и, выпуская оттуда полумертвого гостя, сказала ему:

— Вот видите, вы еще не все хитрости женские знаете, и вас, как и всякого, умная женщина может обмануть, если захочет.

Философ повинился, покаялся, благодарил ее и хотел было поспешно уехать, но она остановила его, говоря так:

— Нет, останьтесь, ужинайте и ночуйте у нас. Скоро ночь, и куда вы скроетесь, и где хорошо отдохнете в незнакомом городе? Верьте мне, что муж мой обойдется с вами теперь очень хорошо. Я беру все на себя... И даже мила вашего я запретила седлать и выводить из конюшни. Вы понимать должны, что муж мой от слуг может потом узнать, что все-таки кто-то был у меня спрятан в шкапу и я его тайком выпустила... И тогда я доверие утрачу навсегда, и мы будем несчастливы всю жизнь нашу. А когда он вас увидит, и я пого-

ворю с ним, то он будет мною Доволен и станет смеяться...

Напуганный философ умолял ее отпустить его, но Ма-риго была непреклонна и решительно объявила ему, что он пленник, — и так он остался поневоле в доме ждать хозяина и смиренно молился, все сокрушаясь и все больше и больше робея.

Наконец раздался снова по камням двора конский топот. Мариго тотчас же снова заперла в шкаф полумертвого от ужаса гостя, сказавши ему:

— Не бойтесь, я все устрою.

И сама пошла встречать мужа. Подарки были прекрасные, и все слуги и служанки собрались смотреть их и восхищались ими. Тогда, при всех них, Мариго взяла за руку мужа и, ласково глядя на него, сказала:

— Милый мой! мне доверие и любовь твоя драгоценнее всех этих подарков. Я утрудила тебя и заставила" для моего удовольствия усталого второй раз проехаться в город. Сейчас я буду сама служить тебе за столом, который уж совсем готов. Но прежде я должна признаться тебе, что я тебя вдвойне обману-

ла. Ты бросил ключ на пол и поверил, что в шкапу никого нет, но это неправда. Там и теперь заперт полумертвый от страха молодой человек — путник, который хвастался, что никакая женщина обмануть его не может, до того он мудр и проницателен. Я нарочно задержала его до твоего приезда, чтобы выиграть ядес и вместе с тем наказать и его за самохвальство и гордость.

Муж с удивлением и беспокойством смотрел на нее. Служанки и слуги все улыбались, а старшая и более смелая из прислужниц вмешалась в дело и воскликнула:

— И гордиться ему нечем, — хоть и молодой, да такой плохой, худой, бородатый и страшный, что Боже упаси!..

Тогда уже все служители и служанки засмеялись громко, и некоторые сказали:

— Правда, правда, что собой он дурной и скверный! После этого успокоившийся муж сказал:

— Ну, отпирай и веди его скорей со мной ужинать. Я ему обиды не сделаю, довольно с него стыда и страха.

Философа отперли и вывели в залу к хозя-

ину дома, который, увидав, что он в самом деле некрасив и очень напуган, протянул ему дружески руку и сказал с улыбкой.

— Я рад, господин мой, видеть вас у себя в доме. Милости прошу поужинать со мною, чем Бог послал, и выпьем вместе за здоровье всех умных и добродетельных женщин, на этом свете существующих!

— Да, есть женщины, которые много мудрее нас! — вздыхая заметил философ.

Они приятно поужинали. Мариго сама весело служила им; они выпили оба за ее здоровье, потом оба пошли каждый к себе и уснули спокойно; а рано утром пристыженный философ уехал, обогащенный на этот раз уже не одной книжной премудростью, но и настоящим житейским опытом.

Примечания

Ядес — так называется особого рода игра, или пари. Берут косточку из груди курицы и двое играющих или бьющихся об заклад переламывают ее вместе для обозначения начала игры, достаточно известной и у нас.

[^^^]

Впервые: Нива. 1885. № 26. Здесь по: ПС-
СиП.Т.5. СПб, 2003. 462-475.

[^^^]